

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.Н. Волков, доктор философских наук, профессор (АПРИКТ)

Аннотация. Мы живём в эпоху кризиса самоидентификации. Культура, идеология, стиль жизни — всё меняется безумно быстро. Индивидуальность как таковая остаётся единственной точкой опоры в этом мире. Кто я, где моё место в жизни? Эти вопросы нельзя просто решить для себя — выведенная формула должна ещё быть принята обществом, в котором мы живём. Необходимость стать тем, чем ты являешься, есть черта жизни в условиях модерна. Смысл «индивидуализации» состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врождённой предопределённости его социальной роли.

Ключевые слова. Идентификация, индивидуализация, глобализация, постмодерн, телесность, эрзац-трансценденция.

Сила постмодерна в том, что он обладает гегемонией: не покрывая всё поле культурного производства, он доминирует и всё больше расширяет зоны своего влияния. Культура становится комплементарной по отношению к экономическому порядку. Каждый материальный продукт или нематериальная услуга становятся считываемым знаком и годным для продажи товаром. Именно культура становится специфической основой крупнейших мировых индустрий. Если ещё недавно модерн черпал свои устремления и энергии из того, что ещё не было модерном, из наследия доиндустриального прошлого, то ныне постмодерн подразумевает закрытие этой перспективы, насыщение каждой поры мира веществом капитала.

Субъект «текучего модерна», охваченный энтузиазмом товарной лихорадки, то поднимается до эйфорических высот зрителя, жаждущего всё новых потребностей, товаров и удовольствий, то погружается в бездну глубочайшей нигилистической пустоты и бессмыслицы бытия. Переход к

постмодерну отмечен стремительной плебеизацией, с одной стороны, расширяющей социальную базу модерна; а с другой — размывающей его сущности ради соответствия плоским установкам постмодерна. Фрагментации жизни соответствует не столько сокращение дистанции между классами, сколько отмена социальных различий вообще, не столько увеличение объективного равенства, сколько деградация гражданского общества как пространства приватности и автономии в «ничейную землю» анонимного мародёрства и насилия. Такая плебеизация несёт с собой не столько рост народного просвещения, сколько новые формы опьянения и иллюзий [1, с. 138].

Понятие "кризиса идентичности" предложил Эрик Эриксон [10]. Он использовал это понятие для обозначения недуга, которым страдали некоторые подростки. В том значении, которое вкладывал в него Эриксон, он обозначает компромисс между тем, кем человек хочет быть, и тем, чем мир ему быть позволяет. Однако ни желание, ни обстоятельства не являются единственным фактором, речь, скорее, должна идти о месте человека в картине, составленной из пересечений желания и обстоятельств. В связи с этим Зигмунт Бауман совершенно справедливо замечает, что идентичность не есть частное дело или частная забота. Наша индивидуальность является продуктом общества, но форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живём, в свою очередь зависят от того, как ставится и решается задача индивидуализации [3, с. 181].

Петер Слотердаjk обратил внимание на то, что главные силы девитализации — семья, государство, армия — создали собственные мощные идеологии ревитализаций (потребительство, сексизм, спорт, туризм, культ силы, массовую культуру). Современные массовые витализмы утратили тягу к трансцендентному: если сегодня испытывается недостаток в чём-то, то это выражают на языке посюсторонних витальных благ: слишком мало денег, слишком мало свободного времени, слишком мало секса, слишком мало развлечений, слишком мало безопасности и уверенности и т.д. «Только

недавно стали говорить о том, что слишком мало смысла; и вновь заявил о себе «спрос на религию», спрос, который привёл к появлению процветающих коммерческих предприятий по распродаже смысла — без понимания того, что это такая тоска по смыслу, при которой любую бессмыслицу можно всучить как изображение пути к здоровью и процветанию» [7, с. 431].

В мире постмодерна остаётся под запретом наше подлинное самопознание, но начинается долгий конъюнктурный цикл так называемых идентичностей. Ещё в середине XX века на вопрос, какую цель они преследуют, люди чётко и ясно отвечали в категориях «счастливой» семейной жизни: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, повысить уровень своей жизни. Сегодня многие говорят о «самоосуществлении», «поисках собственной идентичности», «развитии личных способностей» и о необходимости «постоянно двигаться вперед». Общепринятые символы успеха (доход, карьера, статус) для многих уже не несут удовлетворения проснувшейся потребности обретения себя, самоутверждения, не утоляют голод по «полноценной жизни».

В результате люди всё чаще попадают в лабиринт неуверенности в своих силах, самовыспрашивания и самоубеждения. Постоянное возвращение к вопросам типа «счастлив ли я на самом деле?», «действительно ли я живу полноценной жизнью?», ведёт к всё новым и новым модам на ответы, которые разными способами перечеканиваются в рынки экспертов, индустрий и религиозных движений. В поисках самоосуществления люди, пользуясь каталогами туристических бюро, объезжают все уголки земли, разрушают самые прочные браки и вступают во всё новые кратковременные связи, меняют профессии, постытятся, увлекаются йогой и т.п. Эта ценностная система индивидуализации содержит в себе начало новых этик, базирующихся на принципе «обязанностей по отношению к самому себе, заботы о себе» (Мишель Фуко). Это сталкивает традиционную этику с трудностями, поскольку обязанности по необходимости носят социальный характер, согласовывают и переплетают поступки каждого с жизнью всего

общественного организма. Поэтому новые ценностные ориентации ложно понимаются как выражение эгоизма и нарциссизма. При этом не осознаётся ядро новой зарождающейся этики, которое направлено на самообъяснение и самоосвобождение как деятельный, жизненно важный процесс, включающий в себя и поиски новых социальных связей в семье, труде и политике. Как считает Петер Слотердаjk, «идентичность — это протез само собой разумеющегося на небезопасной территории. Она изготавливается как по индивидуалистическим, так и по коллективистским образцам. В концепции изготовления ментальных протезов находит своё выражение понимание того обстоятельства, что производство витальных предположений — ведущих жизненных «гипотез» в смысле Уильяма Джеймса — уже не может основываться на культурном наследии, а всё больше и больше становится предметом новых изобретений и непрерывного переформатирования. Как следствие возникает сдвиг в направлении индивидуализации жизненных форм» [9, с. 194-195].

Идентичность — изобретение модерна. Необходимость стать тем, чем ты являешься, есть черта жизни в условиях модерна. Уникальный динамизм современного капиталистического общества, впечатляющие успехи, достигнутые западной цивилизацией за последние три столетия трудно представить без уверенности человека в себе, в других людей и в совместно построенные надёжные институты, с которыми человек может уверенно согласовывать свои долгосрочные планы и действия. «Лишь пока «общества» внушают сами себе, что они представляют собой гомогенные единства — например, генетически или теологически субстанциальные народы-нации, они рассматривают себя в качестве изначально (или в соответствии с каким-то исключительным установлением) объединённых моносфер. Они выдают себя за некие заколдованные пространства, извлекающие пользу из своего воображаемого иммунитета и магической общности по сущности и избранности...» [9, с. 53].

Ныне сообщества становится всё труднее обнаружить в реальной жизни. Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать, в мире, где всё движется и перемещается, и ничто не является надёжным. Дестабилизация социальной среды, её подвижность и изменчивость, культурное многообразие и противоречивость делают ответ на вопрос: "Кто Я и каково моё место в мире?" — невозможным, а сам вопрос — бессмысленным. В мире перетасовываемых ценностей свобода манёвра поднимается до ранга высшей ценности. Рациональное поведение в таком мире требует, чтобы возможностей выбора было как можно больше и чтобы они всегда были открыты, в то же время обретение чёткой идентичности закрывает ряд возможностей либо заранее лишает прав на их использование. В связи с этим Петер Слотердаjk отмечает: «Танец вокруг золотого тельца идентичности — это последнее и величайшее упоение анти-просвещения. «Идентичность» — так звучит волшебное заклинание отчасти тайного, отчасти открытого консерватизма; личная идентичность, профессиональная идентичность, национальная идентичность, политическая идентичность, женская идентичность, мужская идентичность, классовая идентичность, партийная идентичность и т.п.— вот что написано на его знамёнах. Одного перечисления этих существенных требований идентичности уже, в принципе, было бы достаточно, чтобы проиллюстрировать множественный и изменчивый характер того, что называют идентичностью. Но никакой речи об идентичности и не зашло, если бы дело не касалось устойчивой формы Я» [7, с. 117-118].

Сегодня не только положение индивидов в обществе, но и сами места, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надёжно служить в качестве цели чьей-то жизни. Мы мало что можем сделать, если вообще что-то можем, пытаюсь «подстраховать своё будущее» прилежным соблюдением ныне принятых стандартов. Сейчас проблема состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать её, сколько в том, какую

идентичность выбрать и как сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность.

Сообщества становится всё труднее обнаружить в реальной жизни. Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать, устойчиво и долго, в мире, где всё движется и перемещается, и ничто не является надёжным. Если сообщество становится зыбким, неопределённым, появляется проблема идентичности, изобретается идентичность. Она выступает суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно в стремительно глобализирующемся мире. Современные индивиды не ищут единства ни с космосом, ни с обществом, не ориентируются на идею народа, государства или класса. Отсюда вытекают неудачи современных политиков, которые пытаются создать коллективы из людей, отчуждённых от коллектива. Зигмунт Бауман приходит к выводу, что «впредь общности — в большей степени постулированные, чем воображаемые — могут быть лишь эфемерными артефактами продолжающейся игры индивидуальности, а не силами, определяющими идентичность человека» [4, с. 29].

В эпоху постмодерна большое внимание уделяется телесной идентичности. Всё телесное готово быть подвергнуто тотальной медикализации. Система «здоровья» ведёт к установлению таких отношений, при которых контроль медицины над соматическим становится повсеместным и тотальным. «Лишь в этом контексте — отмечает Слотердаик — становится понятен эксцессивный интерес людей современной эпохи к собственному «здоровью»: за этим феноменом кроется спрос на надёжный фон, сохраняющийся и после упразднения природных и культурных латентностей, и после того, как поблекли характерные региональные краски. Таким образом, современное настойчивое внимание к основанию здоровья (в философском поле впервые продуманному Шопенгауэром) инициировано в высшей степени понятным импульсом. На чём, если не на предполагаемом внутреннем биологическом фундаменте, должен основываться поиск моего личного

своеобразия, более того, поиск ядра неотчуждаемо мне принадлежащего?» [9, с. 195-196].

Если мир превращается в хаос, то ставить долговременные цели и стремиться реализовать их совершенно бесполезно. Можно и нужно ориентироваться только на кратковременные цели и жить здесь и сейчас. В такой ситуации говорить о цели и смысле жизни не имеет смысла. Иначе говоря, смысл жизни в потреблении, в получении как можно большего количества удовольствий и наслаждений, в стремлении объять необъятное, в интенсификации жизни, чтобы достичь наибольшей её полноты и содержательности. Традиционные образы трансцендентного блекнут и уходят, им на смену появляются эрзац-трансценденции:

- *бессознательное* как индивидуальный и коллективный имманентный потусторонний мир;
- *история* как сфера тёмных первоисточков светлого будущего, утраченного богатства или обещанного изобилия, как то, что придаёт нам идентичность и в то же время отнимает её у нас;
- *космические полёты* как инфантильно-технологическая и милитаристская психоделия;
- *эротика* как лабиринт, в котором блуждает множество Я, занятых поиском того Ты, в которое они могли бы «перейти»;
- *наркотики* как средство взорвать банальный континуум и отправиться в путешествие по внутренним внешним мирам;
- *искусства* как дисциплины, в которых субъекты могут творчески возвыситься до того, чем они «ещё не были», и уйти в царство образов, фантазий, экспрессии;
- одержимый рекордами *спорт* как попытка преодолеть повседневные границы телесного движения и возможностей тела;
- *туризм* как расширение мира, данного в опыте, и т.п.

Раньше в общественном сознании работала установка, о том, что успеха можно добиться своими усилиями. Именно эта идея лежит в основе всего

западного либерально-капиталистического мировоззрения. Однако в наше время усилия отдельно взятой личности по достижению успеха в большинстве случаев обречены на неудачу. Но эту личность по-прежнему убеждают, что всё в её руках, хотя на самом деле рядовым бойцам общества потребления никогда не стать генералами — тёплые места уже заняты. Среди «новых идолов», на которых равняются, помимо фигур первой величины — голливудских актёров, эстрадных певцов и телезвезд, есть и своеобразный «второй эшелон» — бесчисленные учителя жизни, гуру и эксперты по всему на свете, доктора волшебных наук. По сути, в светском обществе культ звезд играет ту же самую роль, что церковь для верующих, а именно позволяет присоединиться к сообществу людей, разделяющих одинаковые ценности. Сегодня такие ценности — это молодость, красота, успех и богатство. Для того чтобы стать популярным, вполне достаточно просто быть частым гостем на телеэкране, причем совершенно неважно, в каком качестве. Так же быстро кумиры исчезают, забвение со стороны публики наступает мгновенно с появлением новой смены популярных лиц.

Идентичность человека имеет множество составляющих. Иногда, отмечает Зигмунт Бауман, чтобы стать самим собой, человеку нужно что-то купить, и потребительская зависимость оборачивается стремлением к самореализации: «универсальная зависимость от покупок — это обязательное условие всей индивидуальной свободы», в том числе, и свободы идентичности. Иными словами, свобода иметь идентичность напрямую связана со свободой приобретения предметов одежды, аксессуаров, техники, автомобиля, а следовательно, внешнего вида, стиля жизни в целом, что подкрепит эту идентичность, создаст или подтвердит статус владельца. Эти связи структурированы производством и рекламой, сегментирующими потребительские предпочтения, но существует и обратное влияние. В процессе символического обмена вещи обретают статус и значимость людей, а люди — статус их вещей. «Учитывая изменчивость и непостоянство всех или большинства форм идентичности, именно способность «делать покупки» в

супермаркете идентичностей, степень истинной или предполагаемой потребительской свободы выбирать свою идентичность и удерживать её сколько угодно долго становится самым лёгким путем к исполнению фантазий об идентичности. Имея эту способность, человек свободен создавать и отменять идентичность по своей воле. Или ему так кажется» [4, с. 92].

Вплоть до низших слоёв среднего класса наблюдается демонстративное потребление роскоши — модных изделий, продуктов питания, транспортных средств. Огромное число людей использует излишки своего не занятого сном свободного времени для удовлетворения своих капризов, реализации своих талантов, лечения своих болезней, принесения своих субъективных жертв и разработку своих частных метафизик; внимание, умственные способности, знание в беспрецедентных размерах инвестируются в оформление жилищ и дачных резиденций; преобразование двигательной энергии в спорт, музыку, туризм и многочисленные виды активного отдыха.

Мы живём в условиях острой ненадёжности, пронизывающей все аспекты жизни индивидуума, в том числе источники средств к существованию, отношения, основанные на любви или общих интересах, характеристики профессиональной и культурной идентичности, способы представления себя на публике, паттерны здоровья и физической подготовленности, ценности, к которым стоит стремиться, и способы их достижения. Цивилизация утратила цель своего существования и развития. Задача совершенствования и прогресса — это уже не коллективное, а индивидуальное дело: именно отдельные люди используют свой собственный ум, ресурсы и усилия, чтобы поднять жизненный уровень и уклониться от тех аспектов их нынешней жизни, которые им не нравятся. Как выразился Ульрих Бек в своём исследовании современного «общества риска», «отмечается тенденция к появлению индивидуализированных форм и условий существования, которые заставляют людей — ради их собственного физического выживания — становиться центром своего собственного планирования и образа жизни... Фактически человек должен выбирать и

изменять свою социальную идентичность, а также на свой риск действовать в соответствии с ней. Сам человек становится единицей воспроизводства социальных отношений [5].

По мере того как устои современной жизни безжалостно лишают всякой надежды тех, кто хочет жить в сообществе, эти сообщества оказываются «воображаемыми», то есть совершенно не связанными с каким-либо чувством социальной реальности, гражданских обязанностей и возможности коллективного действия, направленного на преобразование мира.

Требование жить одним днём, становится руководящим принципом рационального поведения. Делать игру короткой означает остерегаться долгосрочных договорённостей. Отказываться быть «фиксированным» тем или иным способом. Не быть привязанным к месту. Не сводить жизнь только к одной профессии. Не присягать на верность и лояльность. Не управлять будущим, но отказываться от этого, как отказываться и от ответственности за свои действия. Запретить прошлому влиять на настоящее. Задача не в том, как обнаружить, открыть, изобрести идентичность, но как предупредить её от застревания. Хорошо созданная и устойчивая идентичность превращается из ценного качества в помеху. Стержень постмодернистской стратегии жизни — не создание идентичности, но избегание фиксации.

Литература

1. Андерсон П. Истоки постмодерна, или культурная логика позднего капитализма. Пер. с англ. М.: Территория будущего, 2011. — 208 с.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. — 272 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. — 390 с.
4. Бауман З. Текущая современность СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

6. Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб.: Издательство "Владимир Даль", 2001.
7. Слотердаик П. Критика цинического разума / Перев. с нем. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. — 584 с.
8. Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2: Глобусы. СПб.: Наука, 2010. — 1024 с.
9. Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3: Пена. СПб.: Наука, 2010. — 923 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.